

Лео Штраус

О «Евтифроне»

Предметом «Евтифрона» является благочестие. «Евтифрон» не говорит нам о подлинных мыслях Платона относительно благочестия по нескольким причинам. Определенно, он не доносит до нас законченного представления Платона о благочестии. Однако данная работа передает нам важную часть платоновского анализа благочестия. Так что, изучая «Евтифрона», мы поймем лишь часть платоновской истины – частичную истину, которая неизбежно является частичной ложью. И все же мы можем быть уверены в том, что никогда не найдем истины в вопросе благочестия, как ее себе представлял Платон, если не поймем и не усвоим полуправду, не столько изложенную в «Евтифроне», сколько донесенную до нас с помощью этого диалога. Эта полуправда, даруемая нам «Евтифроном», являет собою необычный вид полуправды. Самый распространенный вид полуправды передают нам общепринятые мнения. Полуправда, переданная нам через «Евтифрона», не является общепринятой. Она не популярна. Не популярна и потому раздражает. Раздражающая полуправда в некотором смысле стоит выше популярной полуправды. Дабы достичь этой раздражающей полуправды мы должны напрячься. Мы должны подумать. Возникает крайне неприятная ситуация: сначала тебя заставляют думать, а затем оставляют один на один с раздражающим предварительным выводом. На это Платон дарует нам два вида утешения: во-первых, можно сказать, что мышление само по себе, вне зависимости от результата, является наиболее удовлетворительной деятельностью. Во-вторых, если для нас результат все же важнее процесса, то моральная репутация Платона служит гарантией того, что итоговый результат – то, что для него является всесторонним рассмотрением благочестия – будет полностью удовлетворяющим и ни в коем случае не вызовет раздражения.

«Евтифрон» представляет собой разговор о благочестии между Евтифроном и Сократом. В нем даются три определения благочестия,

---

* Перевод выполнен по изданию: *Strauss L. The rebirth of classical political rationalism: an introduction to the thought of Leo Strauss. Chicago, 1989. P. 187–206.*

но все они оказываются неполными. Прочтя диалог до конца, мы лишь запутываемся. Мы не узнаем, что такое благочестие. Но разве не каждому известно, что это такое? Благочестие заключается в поклонении богам предков, причем согласно обычаям предков. Может оно и так, но ведь благочестие должно представлять собою добродетель. Оно предполагает благо. Но так ли это на самом деле? Является ли поклонение богам предков согласно их обычаям благом? «Евтифрон» нам на этот вопрос не отвечает. Выражаясь точнее: дискуссия, представленная в «Евтифроне», нам на этот вопрос не отвечает. Но ведь дискуссия, представленная в любом платоновском диалоге является лишь частью этого диалога. Одна часть – дискуссия, речь, *logos*; другая – *ergon*, дело, действие, сюжет диалога, деяния, которые совершают или претерпевают герои диалога. *Logos* может завершиться молчанием, а действие – открыть то, что речь скрывает. Разговор между Сократом и Евтифроном происходит после того, как Сократа обвинили в нечестии. Диалог изобилует отсылками к данному факту, данному действию. Это заставляет нас задуматься: был ли Сократ благочестив? Поклонялся ли Сократ богам предков согласно их обычаям? «Евтифрон» представляет благочестие двояко. Во-первых, как обсуждение вопроса о том, что такое благочестие. Во-вторых, как изложение проблемы благочестия самого Сократа. Кажется, что две эти темы лежат в совершенно разных плоскостях. Вопрос: «Что такое благочестие?» есть вопрос философский. Вопрос же о благочестии Сократа скорее, из области сплетен, а не философии. Пусть так, но в этом понимании упущено главное, ибо философский вопрос состоит в том, является ли добродетелью благочестие, определяемое в качестве поклонения богам предков. Ведь человек, в наивысшей степени овладевший всеми добродетелями и есть философ. Следовательно, если философ благочестив, то благочестие – добродетель. Но ведь это Сократ представляет философию. А потому, если Сократ благочестив, благочестие – это добродетель. Если же он нечестив, благочестие – не добродетель. Поэтому, отвечая на сплетни о нечестивости Сократа, мы отвечаем на философский вопрос о сути благочестия. Давайте же посмотрим, сможем ли мы из «Евтифрона» узнать что-нибудь относительно благочестия Сократа.

Сократ обвинен в нечестии, его подозревают в нечестии. Евтифрон – прорицатель – знаток благочестия и он убежден, что Сократ невиновен. Евтифрон ручается за благочестивость Сократа. Но Евтифрон не знает, что такое благочестие. И все же, если мы предположим,

что благочестие состоит в поклонении богам предков согласно их обычаям, каждый сможет узнать, был ли Сократ благочестив, в зависимости от того, поклонялся ли он богам предков в соответствии с их обычаями или же нет. Несмотря на отсутствие философской подготовки, Евтифрон может служить отличным свидетелем решающего факта этого поклонения. Но, по правде говоря, Евтифрона не слишком заботят людские дела. А хуже всего то, что благочестие самого Евтифрона, как минимум, находится под вопросом. Поэтому давайте отринем показания прорицателя и попробуем полагаться на собственное разумение.

От самого Сократа мы слышим, что и до обвинения и после него, он придавал значение знанию о божественном. Обвинитель же – очевидно, исходя из собственного опыта познания божественного, – признал в Сократе новатора, то есть человека, заблуждающегося. Естественно, обвинитель полагал, что сам-то он знает истину о божественном. На самом деле он обвинил Сократа в невежестве относительно божественного. Данное обвинение предполагает, что Сократ без осторожности проявлял свое предполагаемое или действительное невежество, но само по себе оно не может быть преступлением, если только истина о божественном не была легкодоступна для каждого афинянина. А подобная доступность была бы реальностью, если бы истина о божественном передавалась бы обычаями предков. Так был ли Сократ преступно невежественен в вопросах божественного? Кажется, он признает свое невежество. Но, думается, что свое невежество он извиняет трудностью самого вопроса. Его невежество произвольно и потому не есть нарушение закона. Если же Сократ был невежественен относительно божественного, он не верил тому, что говорили ему о божественном традиции, обычаи предков и люди. Он не считал эти рассказы знанием. На самом деле, он полагал, что не надо соглашаться с утверждением, сначала не исследовав его. Он поясняет, что сведения о богах, переданные предками, безосновательны. Если Сократ и вправду был невежественен, по-настоящему невежественен, он бы даже не знал о существовании богов предков. Как же мог он тогда им поклоняться? Если Сократ и правда был в этом вопросе невежественен и знал о своем невежестве, то он в принципе не мог быть благочестив. Конечно, он все еще мог исполнять ритуалы, мог публично следовать обычаям предков. Но такое следование уже нельзя было бы считать благочестивым, ибо как может разумный человек поклоняться тому, чье существование, не говоря уже обо всем

остальном, находится под вопросом? Сократ публично следовал обычаям предков, но не из страха перед богами, а из-за стыда перед тем, что люди могут подумать о его нонконформизме или из-за боязни потерять доброе имя. Боязнь потерять доброе имя – это боязнь заработать репутацию развращенного человека. Те, кто не верил в богов предков, считались плохими людьми – людьми, способными на любое злодеяние, и это клеймо особенно легко прилипало к философам. В данных обстоятельствах, Сократ, кажется, был бы вынужден публично следовать обычаям предков, если уж и не ради самого себя, то, хотя бы, ради философии. Однако если Сократ публично следовал обычаям предков, как же люди узнали, что он был нечестив? Они могли узнать об этом с его слов. Но разве Сократ каждому встречному открывал свои мысли? Он ведь сам боялся слухов, будто он, из человеколюбия, чрезмерно откровенен с каждым стоящим человеком и говорит, что знает, не беря платы – даже готов сам заплатить, если найдутся средства, – лишь бы только люди его слушали. Создается впечатление, что на самом деле афинян не столько возмутил ум или нестандартное мышление Сократа, сколько его кажущееся миссионерское рвение. Следовательно, его истинным преступлением – преступлением, убившим его – было не столько нечестие, сколько его предполагаемое человеколюбие, или то, что в обвинении было названо развращением молодежи.

До сих пор, мы буквально понимали слова Сократа о его невежестве относительно божественного. Но если мы еще раз заглянем в «Евтифрон», то увидим, что на самом деле Сократ не так уж и невежествен в данном вопросе. Ближе к концу беседы он говорит, что все хорошее в его жизни досталось ему от богов. До этого, он указывал, что ненавидит современные истории о богах, творящих несправедливости или ссорящихся и враждующих друг с другом, говорил, что не верит в правдивость этих выдумок. Кажется, он уверен, что боги благи и справедливы, а потому они, с одной стороны, являются дарителями всякого людского блага и только блага, а, с другой стороны, не могут враждовать друг с другом. Но именно это знание должно делать его нечестивцем, так как современные ему истории о богах – которые он отвергал – были не просто творениями кисти хороших художников и пера не столь хороших поэтов. Куда важнее то, что они обосновывали ключевые элементы обычаев предков. Этот факт непризнания им современных историй о вражде богов между собою должен был служить основанием для обвинения его в нечес-

тии. Сократ и сам предлагает такое объяснение. Но правда ли то, что он слишком часто говорил каждому стоящему человеку, что истории эти лживы? Был ли он виновен в излишнем человеколюбии?

В беседе с Евтифроном Сократ ничего подобного не делает. Он ограничивается указанием на то, что не верит в эти истории, не любит их. Он говорит, что принимает их, хотя и не без раздражения. К тому же, он не ищет компании Евтифрона. Он не идет к Евтифрону и не желает его просвещать. Наоборот, это Евтифрон навязывает Сократу беседу. Не начни он ее, Евтифрон мог никогда и не услышать о том, что можно или нужно сомневаться в правдивости существующих историй о богах. Сократ не являет нам ни капли своего миссионерского рвения.

На это можно возразить следующим образом. Во второй книге «Государства» Сократ подробно излагает свою собственную теологию. Но, во-первых, Евтифрон не принадлежит к числу его слушателей, ибо те, с кем Сократ беседует в «Государстве», являют собою группу избранных. Он же, по сути, принадлежит к тому большинству афинян, которое приговорило Сократа к смерти. А, во-вторых, в «Государстве» – в отличие от «Евтифрона» – Сократ прямо не говорит о том, что ложные представления о богах, в некотором смысле, воплощались в официальном афинском культе. Открытая критика «Государства» направлена против поэтов как частных граждан, а не против обычаев предков. Таков предварительный вывод. Сократ и правда был нечестив в том смысле, который носило обвинение. Но вина его заключалась отнюдь не в чрезмерном человеколюбии – как казалось ему самому. Я уже сказал, что разговор с Евтифроном был навязан Сократу. Сократ определенно не жаждал такого общения. Ярчайшим тому доказательством является отсылка к любимым прибежищам Сократа. Данная отсылка напоминает нам начальные строки «Хармида» и «Лисия», в которых сам Сократ описывает, с какой охотой он искал места, где можно поговорить с молодежью. С Евтифроном Сократ говорит неохотно. Он говорит с ним, потому, что не может уйти от беседы, говорит из чувства долга или справедливости. Весь этот разговор является проявлением справедливости. Сократ делом доказывает свою справедливость. И это действие выявляет то, что оставалось невысказанным у Евтифрона. Хотя благочестие Сократа остается, как минимум, сомнительным, его справедливость становится очевидной. Но что такое справедливость? Согласно «Евтифрону», справедливость, в прямом смысле этого слова, должна совпадать с профессио-

нальным уходом за людьми. Такой уход или «выпас» должен помогать людям, делать их лучше. Трудно сказать, удался ли Сократу уход за Евтифроном, - в любом случае, он всеми силами пытается сделать его лучше, продемонстрировав Евтифрону – человеку, считающему себя невероятно мудрым – что он невероятно глуп. Иными словами, пытаюсь сделать его чуть разумнее, действуя справедливо, заботясь обо всех людях, Сократ считает, что поступает благоразумно. Ибо каждый вменяемый человек хотел бы жить среди хороших и потому полезных (а отнюдь не среди плохих и потому опасных) людей. Но Сократ – точно так же, как тот, кто, пытаюсь успокоить злых собак, может быть ими покусан, или как отец, прячущий от ребенка опасные игрушки, навлекает на себя его гнев – в попытке улучшить людей, мог их обидеть и тем навлечь на себя беду. А было ли, в таком случае, разумным пытаться улучшить афинян? Несмотря на данное затруднение, сделанная Сократом попытка оказалась полезна для него самого, для его друзей и, в конечном счете, для нас. Ибо, говоря с людьми – какими бы глупыми они ни были – он учился, он познавал человеческую природу. А без этого познания не было бы платоновских диалогов.

Но давайте вернемся к главной проблеме – нечестию Сократа. Сократ был нечестив, ибо знал или думал, будто знал, что истории предков о богах, служащие основой обычаев – лживы. Данное знание прекрасно сочетается с возможным невежеством Сократа относительно божественного. Но о божественном он мог знать достаточно, чтобы заявлять о ложности существующих историй о богах, и следовательно, вредности поклонения богам предков согласно их обычаям или, если угодно, о том, что поклонение богам предков согласно их обычаям не являет собою подлинного благочестия. Но его знания о божественном могло не доставать, для того, чтобы заявлять о сути подлинного благочестия. В этом случае, он не мог знать, благочестив ли он сам или же нет. А учитывая, что остальные едва ли смогли бы превзойти Сократа мудростью, никто не мог знать, был ли Сократ на самом деле благочестив. На это можно сказать лишь, что Сократа нельзя было наказывать за нечестие. Лично я считаю, что это было бы мудрым решением. Вполне возможно, наиболее поверхностное послание «Евтифрона» таково: было бы замечательно, если бы нечестие перестало считаться преступлением. Но с точки зрения Платона, данное послание есть не более чем выражение благочестивого желания – желания, которое невозможно исполнить.

Давайте обратимся к более тщательному анализу «Евтифрона». Во-первых, попробуем найти место «Евтифрона» в универсуме платоновских диалогов. «Евтифрон» обсуждает благочестие, т. е. одну конкретную добродетель. Следовательно, он находится в той же группе, что и «Лахет», обсуждающий мужество, «Хармид», обсуждающий умеренность, а также «Государство», обсуждающее справедливость. Существуют четыре главные добродетели – мужество, умеренность, справедливость и мудрость. У Платона нет диалога, посвященного мудрости, что, уточняя, верно, если вы находите «Феага» неаутентичным, ибо «Феаг» посвящен мудрости. Вместо него у нас есть диалог, посвященный благочестию. Получается, что мудрость заменена благочестием? Диалог, содержащий наиболее ясные рассуждения на тему четырех главных добродетелей – это «Государство». В «Государстве» же Сократ, как кажется, склонен заменить благочестие мудростью. Говоря о природе философа, т. е. находясь на высшем уровне обсуждения морали в «Государстве», Сократ даже не упоминает о благочестии. Несмотря на это или вследствие этого, не существует платоновского диалога, посвященного мудрости. И все же мудрость – это некоторого рода знание, а диалог, посвященный знанию, у Платона есть – это «Теэтет». «Евтифрон» и «Теэтет» находятся в одной группе не только потому, что обсуждают конкретные добродетели, но и потому, что они близки по времени: две эти беседы происходят примерно в одно и то же время, после обвинения, но перед судом. Они происходят в конце жизни Сократа. Соответственно, в них Сократ открыто ссылается на отца и мать, или, точнее, на искусство отца и искусство матери, или, если быть еще точнее, на искусство предков по отцовской линии и ремесло матери. Он сравнивает свое собственное искусство с искусством матери. Он отрицает, будто его искусство имеет нечто общее с занятием предков по линии отца, с искусством Дедала. Связь его собственного искусства с делом предков и родителей остается сомнительной. Сомнительным остается и характер его отношения к предкам или родителям.

«Евтифрон» говорит о благочестии, но не отвечает на вопрос о его сущности. В «Теэтете» обсуждается знание и потому он завершается описанием философской жизни. В свою очередь, данное описание завершается тезисом о том, что нужно как можно скорее бежать от обычной жизни к жизни философской, но побег этот представляет собой максимальное уподобление богу. А данное уподобление состоит в том, чтобы стать справедливым, благочестивым и благоразум-

ным. В этом самом важном, центральном – практически буквально находящимся в центре – отрывке, на вопрос о том, является ли благочестие добродетелью, Платон отвечает утвердительно. Однако отрывок этот не настолько ясен, как кажется при рассмотрении контекста. Ни на один платоновский вопрос нельзя ответить, просто процитировав Платона. На этом мы заканчиваем говорить о положении «Евтифрона» в корпусе платоновских диалогов. Давайте обратимся к рассмотрению условий этой беседы.

Старого Сократа обвиняет в нечестии молодой Мелет. Евтифрон выступает на стороне Сократа против Мелета. Но Евтифрон – молодой Евтифрон – своего собственного отца обвинил в нечестии. Совершенное Евтифроном соответствует совершенному Мелетом: молодой человек обвиняет старого. Что он за человек? Что из себя представляет единственный собеседник Сократа в платоновском диалоге, посвященном благочестию? Евтифрон, благожелательно настроенный по отношению к Сократу, является хвастуном. Это такой безобидный хвастунишка. Между его хвастовством и его безобидностью просматривается связь. Что заставляет его сочувствовать Сократу? Сократ может предсказывать будущее, такова его «демоническая» сила. А Евтифрон – профессиональный прорицатель. Они оба отличаются от остальных людей. Они оба обладают особыми дарами. Похожими дарами. Именно поэтому оба они пали жертвами зависти большинства. Евтифрон считает, что они с Сократом схожи. Евтифрон – прорицатель. Он хвастается тем, что больше других знает о божественном. Ведь благодаря этому знанию он может безошибочно предсказывать будущее. Но люди смеются над ним, словно над юродивым. Они не воспринимают его всерьез. Они считают его безвредным. Но он настолько уверен в своем превосходстве, что их смех ему не страшен. Он горд тем, что его считают юродивым. Ведь он каким-то образом знает, что божественное кажется безумным тем, кто, в лучшем случае, обладает лишь человеческой мудростью. Он одинаково говорит и о богах, и о себе самом. Он отличает себя от простых смертных. Он уверен, что только познавший божественное, как он сам, может быть благочестив. Он молча отрицает способность обычных граждан быть благочестивыми. Самую удивительную часть своего знания он оставляет себе самому или элите. Он скрывает свою мудрость. Однако, он не скрывает своих претензий на звание мудреца. Поэтому иногда он вынужден показывать свою мудрость. Нельзя понять, скрывает ли он свою мудрость добровольно или же потому,

что не может найти тех, кто в состоянии ее принять. Будучи сведущим в божественном, он призывает человеческое; и потому он почти ничего о нем не знает. Кажется, он считает, что любые конфликты между людьми основаны на принципах, на ценностях. Кажется, он не понимает, что большинство конфликтов между людьми предполагает общую принципиальную основу, что большинство конфликтов происходят из-за того, что разные люди одно и то же считают хорошим и хотят этим обладать. Кажется, он полагает, что те, кого обвинили в преступлении, защищаются, опровергая не выдвинутое против себя обвинение, а принцип, согласно которому преступник должен быть наказан. Евтифрон безвреден в границах собственного знания о божественном. Но если само это знание заставит его причинять зло людям, то он ни на мгновение не станет колебаться. Он ни мгновения не колебался и обвинил бы в нечестии собственного отца или мать, брата или сестру, своих детей, жену или друзей. Этим он разительно отличается от Сократа, который не стал бы никого ни в чем обвинять. В начале беседы Евтифрон считает, что они с Сократом заодно. Сократ обращает его внимание на то, что если Евтифрона за его дар высмеивают, то самого Сократа за тот же дар преследуют. Объясняя это различие, Сократ предполагает, что Евтифрон остается вне опасности, так как скрывает свою мудрость, в то время как Сократ находится в опасности, ибо считается, будто он со всеми делится своей мудростью. Пока что кажется, будто единственное различие между Сократом и Евтифроном состоит в том, что Евтифрон куда более скрытен, чем Сократ. После того как Евтифрон гордо объявляет Сократу о своем подвиге – обвинении своего отца в нечестии, а Сократ указывает ему на то, что этот поступок сложно назвать мудрым, может показаться, что Евтифрон начинает считать себя мудрее Сократа. Затем Сократ намекает на то, что ради оправдания от обвинения в нечестии он хочет стать учеником Евтифрона, утверждающего, что о божественном тот знает все. Точнее, он намекает на то, что хотел бы использовать Евтифрона в качестве щита от молний Мелета. Он хочет спрятаться за Евтифроном и его хорошо скрываемой мудростью. Он обращает внимание Евтифрона на то, что обучая Сократа, тот выйдет из своего укрытия, в котором счастливо прибывал до сих пор. Но все это не трогает Евтифрона. Все это не заставляет его осознать, что они с Сократом находятся по разные стороны, что их разделяет пропасть. Он понимает это только после того, как Сократ выказывает сомнение в правдивости существующих историй о богах. Ибо сразу после это-

го, он, вне зависимости от собственного желания, причисляет Сократа к большинству. С этого момента, он понимает, что они с Сократом не заодно. И все же очевидно, что отличая Сократа от большинства, он все равно считает его обучаемым, т. е. готовым прислушиваться к Евтифровой мудрости. Однако Сократ не оправдывает его ожиданий. Очень странно, но Сократа в основном волнуют менее стоящие, менее божественные, а на самом деле, попросту тривиальные вещи. Его куда больше интересует определение благочестия, чем невероятные истории о деяниях богов и их требованиях по отношению к человеку. Кажется, он жаждет знания, которое Евтифрон не очень-то чтит, но при этом все же находит удовлетворительным. Позже он поймет, что может проиграть свой суд, который, все-таки, происходит на земле и состоит из людей – людей, являющихся частью большинства; однако Евтифрон не настолько занят человеческим, чтобы расстраиваться от такой перспективы. Напротив, странная осведомленность Сократа в людских делах, осведомленность о том, как ведут свои низменные дела недостойные люди, убеждает Евтифрона в том, что Сократ является частью большинства не временно, но перманентно, что Сократ не обучаем, что его нежелание прислушиваться к мудрости Евтифрона связано с его неспособностью понять эту мудрость. Короче, что Сократ – человек приземленный. Чуть позже Сократу удастся объяснить Евтифрону, что тот противоречит сам себе. И, несмотря на то, что Евтифрон знает, что противоречить самому себе нехорошо, несмотря на то, что он ловит других на этой же ошибке, сам он ни разу не смущен слабостью собственных аргументов. На самом деле, он даже ожидал чего-то подобного. То, что он противоречит сам себе, лишь доказывает ему, что он не может высказать или разъяснить Сократу свои мысли, или свое знание. И правда, как можно выразить переживания, наподобие тех, которыми Евтифрон хвастает пред людьми, непричастными к божественному? Разве, в попытке выразить невыразимое, не придется противоречить самому себе? Еще позже Евтифрон практически прямым текстом откажется открыть Сократу подлинные секреты о божественном, даже не смотря на попытки Сократа склонить его к этому. Он полагает, что Сократа должны удовлетворить простые истины, хорошо известные даже простонародью. Странное замечание Сократа относительно этих простых истин – мол, они касаются только жертвоприношений и молитв – очевидно, открывает Евтифрону бездну сократова невежества. Когда незадолго до конца беседы, Сократ просит Евтифрона не считать его

недостойным, он делает это вполне серьезно, в том смысле, что он убежден – Евтифрон действительно считает его недостойным. Сама беседа завершается потому, что Евтифрон начинает считать ее бесполезной и отказывается продолжать разговор, ибо уже в ходе разговора, он понял, что Сократ безнадежен. Евтифрон неуязвим для диалектических навыков Сократа. Как и Сократ, в ходе этой беседы Евтифрон практически не меняется. В каком-то смысле он что-то узнает о Сократе, точно так же, как в каком-то смысле Сократ узнает что-то о Евтифроне. Но это все. Получается, что в данном аспекте, он и правда оказывается на одной стороне с Сократом. Ибо данная схожесть их указывает на другую, фундаментальную, схожесть. Евтифрон – карикатура на Сократа. Точно так же, как и Сократ, Евтифрон выходит за рамки обычных искусств и добродетелей. Но если Сократ от обычных искусств и добродетелей движется к философии, Евтифрон от них же движется к ложному виду знания – знанию о божественном. Евтифрон, так сказать, заменяет философию ложным видом знания – знанием о божественном. И хотя Евтифрон считает себя выше, чем Мелет и Сократ, на самом деле, он находится между ними. Теперь мы должны попытаться определить суть его срединного положения.

Мелет обвинил Сократа в неверии в богов города. Мелет приравнивает собственные верования, к верованиям города. Мелет приводит Сократа на суд города. Мелет отождествляет собственные верования, с тем, что мы можем назвать ортодоксальной позицией. Какова эта позиция, станет понятнее после того, как мы проясним суть отклонений Евтифрона от нее. Сам Евтифрон прекрасно понимает, что он отличается от остальных, что он отклоняется от того, что «люди» считают благочестивым. Что же сам он понимает под благочестием? В своем первом ответе на вопрос Сократа о том, что такое благочестие, он допускает формальную ошибку. Вместо определения, он приводит пример. Его второй ответ формально верен, как и последний – третий ответ. Но ни второй, ни третий ответы не выражают тот взгляд на благочестие, что лежит в основании первого, формально неверного, ответа. Только первый ответ был напрямую связан со вкусом Евтифрона, с его деянием – с обвинением собственного отца. Только первый ответ, будучи речью Евтифрона, совпадает с его действием, с его жизнью, с принципом, который лежит в ее основании. Поэтому, первый ответ Евтифрона – это единственный ответ, проясняющий его собственный взгляд на благочестие. Платон убивает трех зайцев, заставляя Евтифрона выразить свой подлинный взгляд на благочестие

через формально неверный ответ. Во-первых, он тем самым показывает недостаточную искусность Евтифрона в речах. Более того, таким образом он позволяет нам заметить, что Евтифрон сам для себя никогда не прояснял суть своего отклонения от ортодоксальных или общепринятых взглядов. И, в-третьих, тем самым он исключил возможность настоящего обсуждения настоящей проблемы: в данных обстоятельствах нельзя решить проблему благочестия, и не следует предлагать ее решение, дабы читатель не перестал искать это решение для самого себя. Каким же было бы формально верное выражение того представления, которое Евтифрон выразил в формально неверном ответе? А вот каким: благочестие состоит в том, чтобы поступать, как боги поступают. И этот взгляд мы должны противопоставить ортодоксальным представлениям, согласно которым благочестие состоит в том, чтобы поступать, как боги велют. Евтифрон выражает свое представление о благочестии не словом, а делом. И все же как утверждается, благочестие состоит в поклонении богам предков, согласно их обычаям. Совершаемое Евтифроном приравнивается к отрицанию общепринятых представлений. Его действия показывают, что благочестие состоит в том, чтобы поступать, как боги поступают. Евтифроново представление о благочестии еретично. Или, – если воспользоваться более соответствующим словом – девиантно. Это несложно показать, рассмотрев следующее. Согласно ортодоксальным представлениям, благочестие – в основном, если не в целом – состоит в молитвах и жертвоприношениях. Но боги не молятся и не приносят жертв. Подражая богам или их деяниям, поступая, как они, никто не стал бы приносить жертв. Боги не благочестивы. Нельзя быть благочестивым, подражая богам. Следовательно, было бы адекватнее сформулировать представления Евтифрона следующим образом: боги радуются, когда человек поступает, как они, и потому боги радуются чему-то совершенно отличному от благочестия. Но Евтифрона коробит при мысли, что именно эта посылка лежит в основании его собственных представлений. Во втором своем ответе, он отождествляет благочестие с улаживанием богов. Но Сократ показывает ему: то, что он на самом деле считает благочестивым, и то, что приятно богам, суть совершенно разные вещи. Правда, Сократ демонстрирует это Евтифрону чуть иначе, чем я показал, но мы постепенно поймем, что эксплицитная аргументация Сократа лишь кажется упрощенной: на самом деле она является чрезмерно сложным толкованием его имплицитного доказательства. Получается, Евтифрон

думает, будто благочестие состоит в том, чтобы поступать, как боги поступают. Откуда же он знает, как поступают боги? Из людских верований о богах, из того, что люди решились им приписать, из существующих историй о богах, которые он считает правдивыми. Но те же самые истории говорят, что человеку негоже поступать, как боги поступают; что он должен поступать, как боги велят. Поэтому позиция Евтифрона необоснованна. Традиция, к которой он обращается, отвергает его. Он должен вернуться к ортодоксии.

Но разве можно вернуться к ортодоксальным взглядам? Разве можно принять позицию, основанную лишь на сказках? И если мы отбросим сказки, то что сможем мы сказать о богах и благочестии? Мы все еще уверены в том, что боги являются сверхчеловеческими существами и потому, мы уверены в том, что высший тип человеческой личности указывает нам, какими боги могут быть. Но высшим типом человеческой личности является мудрец. Следовательно, аналогия с мудрецом будет лучшим из наших способов понять богов. Мудрец больше любит тех, кто поступает как он, чем тех, кто лишь делает, как он велел, или тех, кто не поступает, как он сам. Соответственно, мы можем начать склоняться к мысли – учитывая, что под богами мы подразумеваем неких сверхчеловеческих существ – что правление богов заключается не в повелевании людьми, не в раздаче приказов. Как бы то ни было, аналогия с мудрецом – единственный имеющийся у нас способ понять богов или то, что приносит им радость, – заставляет нас признать, что Евтифронов взгляд относительно благочестия представляет собою нерешительную попытку переступить через ортодоксальные представления о благочестии во имя лучшего его понимания. Евтифрон и правда оказывается между Мелетом и Сократом. Но вернуться к Мелету невозможно. Мы должны двинуться дальше – к Сократу.

Направление этого движения и даже его окончание обозначено половинчатой позицией Евтифрона и порождаемыми этой половинчатостью затруднениями. И все же представления Евтифрона стоят выше ортодоксальных взглядов, и Евтифрон это знает. Его хвастовство не совсем безосновательно. Евтифрон переступает через ортодоксальные представления потому, что стремится к чему-то большему, нежели то, что воплощает собой большинство. Однако он не имеет права так думать. Он и вправду хвастун. Евтифрон сам себе противоречит, когда говорит, будто благочестиво то, что ублажает богов, но подразумевает при этом, будто то, что ублажает богов, не благочес-

тиво. Дабы разрешить это противоречие нужно попросту отбросить отождествление того, что ублажает богов, с благочестием. Нужна смелость, для того чтобы думать, будто нельзя ублажать богов иначе, чем нечестием, в том смысле в котором его понимает город. Или, точнее, нужна смелость, для того чтобы в определенном смысле быть нечестивцем. В каком смысле? Евтифрон говорит, что боги радуются, если человек поступает, как они. Но разные боги поступают по-разному, а иногда и прямо противоположно. Ублажая одного бога, огорчаешь остальных. Невозможно ублажить богов, если каждого из них радует что-то свое, если среди богов нет согласия, если они враждуют. Некоторым образом, Евтифрон признает наличие данной сложности. Он поступает так, как поступает лучший и справедливейший бог – Зевс. Из множества богов он выбирает самого справедливого. Но дабы этот выбор мог быть совершен, он должен познать справедливость. Он должен знать, что такое справедливость. Он должен быть знаком с идеей справедливости. Ибо, справедливейший бог точнее остальных отражает идею справедливости. Но тому, кто уже познал идею справедливости, нет причин следовать за самой совершенной ее копией. Почему бы не следовать за самой идеей справедливости? Нет причин подражать богам. Подражание им, поступки, копирующие их деяния и причины этих деяний, а, следовательно, и благочестие, оказываются ненужными. Мы должны сделать еще один шаг и сказать, что в богах нет нужды. Сомнения в правдивости существующих историй о богах, попытки думать самостоятельно приводят к выводу: то, что большинство приписывает богам, на самом деле принадлежит идеям. Идеи заменяют богов. Теперь мы можем понять и оценить обвинение Мелета.

Вот в каком смысле Мелет прав. Сократ действительно не верит в богов города. И он действительно изобретает новые сущности. Но Мелет ошибается в том, что изобретенные Сократом сущности являются богами или демонами. На самом деле Сократ вводит идеи. Даже если мы предпочитаем говорить о богах, мы должны сказать, что боги, которых вводит Сократ, – это идеи. Но можно утверждать и другое: Мелет страшно ошибается, утверждая, что Сократ вводит нечто новое. Ибо идеи, предваряющие собой все сущности, которые только имитируют идеи, предваряют и богов. Они – первичные, старейшие. Если верить Евтифрону, Сократ формулирует обвинение Мелета следующим образом: Сократ обвиняется в сотворении богов (греческое *κροίειν*: «создавать», «творить»). А вот как можно описать контрар-

гумент Сократа. Сократ единственный признает первичным то, что ни в каком отношении не может быть помыслено как созданное или создающее что-либо. Это его представление радикально непоэтично в смысле чуждости *поэзису* («творению»). Одним из его обвинителей был поэт. Если начать отрицать первичность идей, то пришлось бы утверждать, что первичны боги, и что боги создали идеи. (Десятая книга «Государства»). Пришлось бы считать первичными существа творящие, производящие. Данная альтернатива, предложенная в «Евтифроне», представляет собой такую крайность, что самой ее постановки хотелось бы избежать. Но как? Давайте обратимся к моменту, когда Евтифрон невольно сходит с верного пути.

Евтифрон почувствовал, что поступок, походящий на поступки богов, превосходит поступки, совершенные по велению богов. Но он запутался, когда осознал, что разные боги поступают по-разному, поступают наперекор друг другу. Он был вынужден выбрать одного бога, и потому ему пришлось обратиться к принципу выбора или предпочтения. Этот принцип оказался идеей справедливости, т.е. тем, что превосходит богов. А существует ли способ выбрать среди враждующих богов одного, не обращая при этом к идеям, не подрывая благочестия? Да, есть такой. С точки зрения обычаев предков, благое тождественно древнему, старому. А потому лучшими богами будут старейшие. Дабы узнать, какой из богов самый старый, не надо апеллировать к идеям. Надо лишь обратиться к свидетельствам прошлых времен. Если же мы за такие свидетельства примем существующие истории о богах, то мы узнаем, что старейшим богом является Уран – дед Зевса. Единственно возможный способ быть благочестивым – то есть поступать, как боги поступают, – поступать, как Уран, или подражать Урану. Но как же поступал Уран? Он мучил собственных детей, портил их. Он калечил молодежь. На греческом эта фраза будет звучать так же, как если бы он совращал молодежь. То есть именно с помощью совращения молодежи Сократ мог бы быть благочестивым. Или наоборот – благочестивый Сократ выбирает единственную возможность быть благочестивым, делая образцом для себя старейшего из богов и, в подражание ему, развращая молодежь. Однако Уран – не только антропоморфный бог, он еще и небо. А из других платоновских диалогов мы знаем, что добродетель можно отождествить с подражанием небу. С другой стороны, Мелет, обвиняющий старого Сократа, и, в еще большей степени, Евтифрон, пытающийся погубить собственного пожилого отца, подражают Зевсу – относи-

тельно молодому богу. Они нечестивы. К тому же они непоследовательны, так как Зевс не уважал старых богов. А потому, не Мелет и не Евтифрон, уважающие старых богов, но Сократ, не уважающий их, подражает Зевсу. Сократ благочестив с любой, кроме просто ортодоксальной, точки зрения.

Конечно, можно сказать, что все это несерьезно. И впрямь, данные положения устанавливаются с некоторыми трудностями, одна из них состоит в том, что хотя Урана и правда можно назвать старейшим богом, он определенно не является старейшим божеством. Мать-земля конечно же старше Урана. А Сократ, скорее всего признал бы, что человеческая добродетель совместима с подражанием богине или женскому началу как таковому. Разве его собственные умения не были подобны умениям женщины? Поэтому давайте повторим наш вопрос о том, можем ли мы избежать выбора между идеями и богами. Иными словами, зачем необходимо доказывать верховенство идей? «Евтифрон» предлагает такую альтернативу. Либо высшим сущим являются враждующие между собой боги, либо высшим сущим являются идеи. Отрицая первичность идей, приходишь к вере во враждующих богов. Почему? Почему боги враждуют? В конечном счете, это происходит потому, что они не обладают знанием. Но знание, подлинное знание, это знание о неизменном, о необходимом, о познаваемой необходимости, об идеях. Первично то, знание о чем и есть настоящее знание. Идеи предшествуют знанию об идеях. Не может быть знания без верховенства идей. Поэтому отрицая верховенство идей, отрицаешь возможность знания. Если идеи не первичны, первичное не может обладать знанием. Оно будет действовать наугад. Оно будет сталкиваться, оно будет бороться. Иначе говоря, если первичны боги, а не идеи, то благим и справедливым будет то, что любят боги, и кроме этой любви не будет иных причин, ибо на то нет внутренних причин. Первичное действие – это не познание или понимание, но любовь без познания или понимания, т.е. слепое желание. Но разве монотеизм не покончил с данной альтернативой? На этот вопрос нельзя ответить, основываясь на «Евтифроне», в котором, как мне кажется, слово «бог» в единственном числе не появляется вовсе. Однако, «Евтифрон» вроде бы намекает на то, что даже старейший бог, должен быть подчинен идеям. Верно, что при наличии единого бога, благочестие без проблем может состоять в подражании Ему. Надо только понимать, что Бог благ или справедлив, или мудр, т.е. что Бог верен законам справедливости. А если бы законы эти были

подчинены Богу, или созданы им, если бы он мог их менять, они более не могли бы выступать в качестве образца. Бог должен мыслиться подчиненным необходимости, познаваемой необходимости, которую творит не Он. Если мы будем это отрицать, если представим себе, что Бог стоит выше познаваемой необходимости или не связан ею, получится, что в строгом смысле этого слова Он не может обладать знанием, ибо знание – есть знание познаваемой и непреложной необходимости. В таком случае, действия Бога были бы совершенно произвольными. Для Него не было бы невозможного. Например, Он мог бы создать других богов, а множество богов, которые, конечно же, не могут обладать знанием, начали бы бороться друг с другом.

Если благочестие излишне, если боги не нужны, тогда почему подавляющее большинство верит, что благочестие необходимо и без богов не обойтись? Почему люди нуждаются в богах? Ответ на этот вопрос предложен во время обсуждения третьего определения благочестия, согласно которому благочестие состоит в служении богам. Точнее, благочестие состоит в определенном рода служении богам, которое схоже с тем, как рабы служат господам, унижаясь и выполняя хозяйские приказы. Благочестие представляет собой определенного рода служение. Сократ интерпретирует его следующим образом. Благочестие – это искусство служить, служебное искусство, искусство священнослужения. Само по себе оно неизбежно служит искусству правления или созидательному искусству. Получается, благочестие предполагает, что боги занимаются искусством правления. Но у каждого искусства есть свои продукты. Что же – используя другие искусства в качестве инструментов – создает искусство правления? Евтифрон говорит лишь, что боги совершают множество чудесных дел. Он отказывается объяснить непосвященному Сократу что это за чудесные дела. Двух мнений быть не может – чудесные дела, о которых помышляет Евтифрон, не удовлетворили бы Сократа. Но в данном контексте Сократ также говорит, что ответив на вопрос о том, что создается божественным искусством правления, можно достичь адекватного представления о благочестии. Примеры, которые тут же приводит Сократ, нужны, чтобы пояснить, что понимает он под специфическими продуктами искусства богов. Сократ использует в качестве примеров искусство священнослужения, полководческое искусство и земледелие. Чудесными делами, которых люди пытаются свершить с помощью полководческого искусства и земледелия, являются победа и обильный урожай. Однако полководческого искусства и земледелия

самых по себе недостаточно чтобы добиться победы и обильного урожая. Данные искусства не могут гарантировать итоговый результат, а ведь только результат, в этих искусствах, и важен. Будет ли результат использования полководческого искусства или земледелия положительным или отрицательным, зависит от случая. Случаем же невозможно управлять с помощью искусства или знания, ни то, ни другое не позволяет предвидеть его. Но человек не может положиться на случай, ибо от него зависит слишком многое. Поэтому человек иррационально пытается контролировать неконтролируемое, управлять случаем. И все же он понимает, что не может контролировать его. Вот почему он нуждается в богах. Боги должны делать то, чего человек не может сделать сам. Боги – это механизм, с помощью которого человек, как ему кажется, может повелевать случаем. Он служит богам, дабы эксплуатировать их, дабы быть их господином. И все-таки есть одно искусство, самое созидательное из всех человеческих искусств, чей результат особенно зависим от случая, искусство, которое, несомненно, должно быть дополнено богами или благочестием. Это законодательное искусство. Законодательное искусство занимается справедливым, благородным и благим, т.е. предметами, подлинное знание о которых получить куда сложнее, чем знание о числах, мерах и весах, предметами, которые естественным образом служат сферой конфликтов. Основным предметом законодательства является справедливое. И именно частью справедливости названо благочестие в третьем и последнем его определении. Благочестие – это справедливость по отношению к богам, точно так же как справедливость, в узком смысле этого слова, есть справедливость по отношению к людям. Далее, самым серьезным недостатком справедливости по отношению к людям является то, что, с точки зрения иррациональных индивидов, она не обладает достаточной силой. Достаточной она становится, когда включает в себя благочестие и богов. Но чтобы быть включенным в справедливость, благочестие должно стать прислужником справедливости, в самом, что ни на есть, узком смысле этого слова. Справедливость, в самом своем узком смысле, есть по сути законопослушность, или повиновение закону. Следовательно, благочестие должно быть частью понимаемой таким образом справедливости, частью повиновения закону. Но закон – это, в основном, обычай предков. Значит, благочестие напрямую зависит от повиновения обычаям предков. Именно в этом Сократ соглашается с ортодоксией, а не с ересью Евтифрона. Евтифрон, обвинив собственного отца в нечес-

тии, пошел против обычаев предков. Сократ *ad hominem* показывает Евтифрону, что тот не имеет права не подчиняться обычаям предков. Неудивительно, что из-за этого он начинает казаться Евтифрону человеком из народа, простолюдином. Мы можем сказать, что и у ортодоксов, и у Сократа есть здравый смысл, а вот у Евтифрона его нет. Я имею в виду, что общество можно построить и на ортодоксальных, и на сократовских принципах, но его не создать, опираясь на принципы, провозглашаемые Евтифроном, ибо если в реальной жизни не воспринимать обычаи предков как священные, общество будет невозможно. Именно поэтому Платон настаивает на необходимости законов, наказывающих за нечестие. Мы – либералы, склонны спорить с Платоном, основываясь на его же утверждениях. Разве не показывает нам Платон, что в глазах всех здравомыслящих людей – и большинства, и Сократа – Евтифрон смешон? И разве смехотворность не представляет собою лишь безобидный недостаток? К чему же тогда проявлять нетерпимость по отношению к Евтифрону? Но я спешу вернуться к диалогу.

«Евтифрон» крайне парадоксален – как, впрочем, и любой другой платоновский диалог. Его особая парадоксальность заключается в следующем. Для того типа платоновских диалогов, к которому принадлежит «Евтифрон», нормальным считается, что собеседник сначала дает определение, выражающее общепринятый взгляд на обсуждаемую проблему, который затем постепенно приводится к более высокому пониманию. Но первое определение, предложенное в «Евтифроне», в разы превосходит последнее определение, отражающее лишь общепринятый взгляд на благочестие, согласно которому благочестие состоит в молитвах и принесении жертв. В более общем смысле, если обычно платоновские диалоги восходят от низшего к высшему, «Евтифрон» нисходит от высшего к низшему. Эту парадоксальность можно объяснить двояко. Во-первых, еретика Евтифрона надо поставить на место, а именно, вернуть его в лоно ортодоксии или конформизма. Во-вторых, «Евтифрон» необычно радикален. Он предлагает самую бескомпромиссную формулировку проблемы благочестия. Поэтому, структура данного диалога носит следующий характер: а) изложение истины; б) объяснение основной ошибки. Незадолго до конца диалога, Сократ сравнивает Евтифрона с Протеем. Протей – морское божество, хитрое и трудноуловимое. Протей способен превратиться во что угодно – в косматого льва, дракона, леопарда, борова, в воду, в дерево. Евтифрон напоминает Протея своей

неуловимостью, постоянной сменой позиции. Более того, Евтифрон напоминает Протея безошибочностью: Протей знает все секреты богов. Далее, Сократ пытается поймать Евтифрона, заставить его сказать правду. А кто пытался поймать Протея, выпытывая у него правду? Менелай. Точно так же, как Евтифрон подражает Протею, Сократ подражает Менелая. Менелай женат на Елене, а Сократ на Ксантиппе. Но так мы далеко не уйдем. Давайте посмотрим, в каком контексте, или по какой причине, Менелай гонялся за Протеем. Сам Менелай говорит: «Все еще боги в отечество милое мне из Египта путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы; Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам»¹. Менелай хотел схватить Протея потому, что только Протей мог рассказать, как ему выбраться из ситуации, в которую тот попал, не совершив гекатомбы. Кажется, это отчасти проясняет последнее слово Сократа Критону в «Федоне»: «Мы должны Асклепию петуха», – если его понимать именно в таком ключе. Как бы то ни было, Сократ сплеховал там, где Менелай преуспел. Причина тому очевидна. Сократ спрашивал Протея не о том, что ему, Сократу, делать, а задал чисто теоретический вопрос: что такое благочестие?

Вначале я сказал, что «Евтифрон» делится с нами раздражающей полуправдой. Состоит она в том, что благочестие и боги не нужны никому, кроме большинства. Почему это полуправда? Потому что мы знаем, что боги существуют. Не боги Афин, а живые боги. Как мы это узнали? На примере. Какой феномен нам это показал? Феномен движения – самопроизвольного движения – жизни души. Платон указал на полуправдивость «Евтифрона» ни разу не употребив в нем слова «душа». Всячески подчеркивая роль идей и ничего не говоря о душе, Платон создает впечатление, будто для богов нет места. Эту полуправду Платон, вероятно, обосновал бы утверждением, что, в любом случае, идеи стоят выше души.

В заключение хочу сказать пару слов о том, что кому-то из вас могло бы показаться обидным: о несколько несерьезном характере представленных рассуждений, а ведь они посвящены самому серьезному предмету на свете. Напомню вам о заключительных словах диалога «Пир», которые я трактую в том смысле, что философия берет на себя выполнение высшего предназначения как комедии, так и тра-

---

¹ Гомер. Одиссея / Пер В.А. Жуковского. М.: Наука, 2000. С. 43. Гекатомба – жертвоприношение.

гедии. Можно сказать, что и традиционная, и современная интерпретации Платона выявляют трагический элемент его мысли, но забывают о комическом ее элементе, вспоминая о нем только в очевиднейших местах. Этому упущению можно найти много объяснений. Я скажу лишь об одном. Современное изучение Платона началось в Германии – стране, лишенной чувства комического. Чтобы показать, почему именно комедийный элемент имеет для Платона принципиальное значение, я прочту несколько строчек из единственного известного мне платоника, понимавшего значение данного элемента – сэра Томаса Мора. Цитирую: «Дабы доказать, что земная жизнь – не время смеха, а время слез, скажем, что сам Спаситель дважды или трижды явлен нам льющим слезы и ни разу – смеющимся. Я не стану клясться, что этого так-таки никогда и не случилось, но, по крайней мере, Он не оставил нам, ни одного примера смеха. В то же время, он оставил нам примеры плача»². Если мы сравним сказанное Мором об Иисусе, с тем, что Платон говорит о Сократе, то обнаружим, что «Сократ раз или два смеялся, но мы ни разу не встречали его плачущим». Сдается нам, что существенный признак философии – это противостоящая плачу легкая подвижка в сторону смеха. Ведь начало философии, как понимают его сами философы, – не страх перед Богом, а мысль. Дух ее полон не упований, страха и трепета, но безмятежности, основанной на смирении. У этой безмятежности все же больше общего со смехом, нежели с плачем. Конечно, единственным по-настоящему важным вопросом является вопрос о том, кто из них прав – Библия или философия. Но чтобы верно подойти к этому вопросу, сначала надо понять философию как таковую. Не стоит начинать с рассматривания ее сквозь призму Библии. На какой бы позиции мы ни стояли, у нас не должно возникнуть иллюзий, будто можно сделать омлет, не разбив яйца. Сократ всеми силами пытался разбудить от легкомысленного сна всех, кто мог думать головой. И мы окажем ему медвежью услугу, если попытаемся использовать его авторитет для того, чтобы самим впасть в сонное оцепенение.

*Перевод с английского
А.Н. Мишурина*

² *More T. A dialog of comfort against tribulation. L., 1847. P. 44.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Strauss L. On the Euthyphro* // Strauss L. The rebirth of classical political rationalism: an introduction to the thought of Leo Strauss. Chicago, 1989. P. 187–206.
- Гомер. Одиссея* / Пер В.А. Жуковского. М.: Наука, 2000.
- Платон. Евтифрон* / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 295–313.
- Платон. Федон* / Пер. С.П. Маркиша // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.
- More T. A dialog of comfort against tribulation.* L., 1847.